

ЖИЗНЬ ИЛИ СМЕРТЬ ДВОЙНОГО АГЕНТА

Неоконченная повесть

«Вечером 20 декабря 1975 года американский гражданин, родившийся в России, Николас Шадрин, оставив жену в венском отеле, направился к собору Вотивкирхе, где он должен был встретиться с двумя агентами КГБ. До сегодняшнего дня его судьба и его подлинная роль в темном мире шпионажа остается неизвестной...»

«Ньюсик», 22 июля 1977 года.

Кто он, Николас Джордж Шадрин? Именно этот вопрос я задал в начале нашей беседы с народным депутатом СССР, бывшим генералом КГБ Олегом Даниловичем Калугиным.

Встретились мы в холле первого этажа столичной гостиницы «Украина», в баре, за чашкой кофе, приготовленного по весьма распространенному в совбщепите рецепту — три-четыре заварки из одной, к тому же уменьшенной, порции. Рядом нарумяненная девица продавала с сервировочного столика трехлитровые «склянки» водки по 400 рублей за штуку, коньяк «Наполеон» — по 250 рублей за черную пузатую бутылку, наборы шоколадных конфет. И, знаете, торговля шла бойко. Один усатый гражданин в дубленке с лисьим воротником, купив килограмм дефицитного пористого шоколада, тут же принялся торговать саму джинсовую продавщицу. И, похоже, преуспел в своем предприятии. Вдоль стень сновали томные путаны и спортивного вида сутенеры. Вот в таком «интерьере» и начался наш разговор с Олегом Калугиным, который с десяток лет был резидентом советской разведки в США.

Олег Данилович изредка оглядывал публику, иронически улыбаясь. Он только что вернулся из Лондона и, может быть, сравнивал свои впечатления от гостиничного

бытия «там» и «здесь». Впрочем, меня это особо не интересовало. Я ждал ответа на вопрос о Николасе Джордже Шадрине.

— Это бывший командир эсминца Балтийского флота, капитан II ранга Николай Федорович...

— Да, это он, Артамонов Николай Федорович, — быстро продолжил Калугин. — Бывший командир эскадренного миноносца Балтфлота. Именно он бежал на корабельном катере в Швецию...

— Так кто же Артамонов на самом деле? «Двойной» или даже «тройной» агент, как писали западные газеты, утверждая, что с равным успехом он выполнял задания КГБ и ЦРУ и даже шведской разведки? Перебежчик, предатель родины или советский чекист-герой, которого иностранные журналисты сравнивали с такими всемирно известными разведчиками, как Рудольф А贝尔, Ким Филби и даже Рихард Зорге? Помните, «Вашингтон пост» писала, что его дело столь же интригующе, как и шпионский роман...

Олег Данилович достаточно четко, но, к сожалению, кратко ответил на все вопросы. Однако сейчас, по законам детективного жанра, самое время прервать нашу беседу с Калугиным и перенестись на 40 лет назад, в ту пору, когда с красивым курсантом Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе Николаем Артамоновым познакомилась юная Наталья Малютина.

Да, чуть не забыл. Единственное, о чем сейчас, пожалуй, стоит сказать — после беседы с О. Д. Калугиным моей скромной персоной вдруг живо заинтересовалась администрация гостиницы. Меня строго спросили, правильно ли я заполнил гостевую карточку отеля, несколько раз уточняли год и место рождения, место работы...

ГОДЫ ПРОШЛИ, А ЛЮБОВЬ ОСТАЛАСЬ

С годами люди, их внешний облик меняются просто поразительно. В общем, правильно сделали наши правоохранительные органы, предусмотрев в «краснокожих паспортинах» место для вклейки трех фотографий — в зависимости от времен года нашего, увы, недолгого и бренного земного бытия.

Но, когда Наталья Афанасьевна Малютина (Артамонова) знакомила меня со своим семейным архивом, я,

Александра Олеговна Задлер из Дании из Копии
США оставлен в Петербург 1993

рассматривая ее девичьи фотографии, просто диву давался: как мало внешне изменилась эта женщина! А ведь сколько перенесла... Арест отца, комиссара бригады торпедных катеров Афанасия Акимовича Малютина, одного из организаторов и строителей советского военно-морского флота — в молодые годы он служил на Тихоокеанском флоте и дружил с будущим адмиралом флота СССР А. Г. Головко, и ту самую невероятно драматическую историю, когда в одночасье стала женой предателя Родины и перебежчика, и тяжелейшую болезнь сына, названного в честь своего отца, и... Сколько горестей выпало на ее долю за три десятка лет — с того далекого сейчас июньского дня 1959 года, когда официальные лица с «некрытым сочувствием» объявили, что муж сбежал на катере в Швецию.

Казалось бы, должна ожесточиться, замкнуться в себе, отгораживаясь от людей — ведь немало встречалось добровольных борцов с затаившимися «врагами народа» и их домочадцами, которые «все знали, а не донесли куда надо», значит, и им следует воздать по заслугам как сообщникам. Но смотрю на фотографию двадцатилетней Наташи Малютиной, потом перевожу глаза на свою пожилую уже собеседницу Наталью Артамонову — все та же обаятельная улыбка человека доброжелательного и отзывчивого, из тех, кто свои горести и обиды забывает в заботах о других. «Светлый человек!» — кратко и, помоему, точно отозвалась о Малютиной близкая ее подруга Е. В. Зотова, знающая ее более четверти века.

Вот и Николай Артамонов с первой же встречи попал под светлое очарование студентки исторического факультета пединститута имени А. И. Герцена, увлекающейся художественной гимнастикой. Рослый и сильный военмор, из тех, что прежде браво распевали: «любая раскрасавица для моряка плоха», неожиданно почувствовал себя рядом с ней робким и неуклюжим, открыл у себя способности повиноваться девушке беспрекословно, будто она — грозный адмирал флота Российского. Ну, а Наталья, конечно, не могла отказать себе в удовольствии испытать силу своего девичьего обаяния. И на бронзовых львов взбирался Николай по ее повелению, и в Неву собрался было прыгнуть. Сама потом испугалась — вода-то уже ледяная была. Едва отговорила.

— Когда я неожиданно призналась себе, что люблю Колю, — вспоминает Наталья Афанасьевна, — то очень обрадовалась своему открытию. Честный и чистый парень

вызывал сердечное доверие не только у меня, но и у моих друзей и подруг.

Признание в любви де-факто состоялось в агитпункте, под огромным портретом «великого вождя-ленинца» И. В. Сталина. Наверняка, в этом строгом и чинном помещении, напичканном политиздатовскими брошюрами о самых свободных и демократических выборах в Стране Советов в отличие от «загнивающего» Запада, где человеку волк, никогда прежде, да и потом не звучали столь романтически пылкие слова о любви.

В тот вечер агитатор-военмор Артамонов неотразимо сагитировал Наталью вступить с ним в законный брак. Он, как и положено, поклялся, что будет любить ее вечно и верно, что она навсегда в его сердце. Николая, вспоминает Наталья Афанасьевна, ничуть не смущил лозунг, который висел как раз над ее головой: «Имя Ленина в сердце каждого, верность Ленину делом докажи!». Впрочем, он его просто не замечал.

Молодой моряк играл на гитаре. У него был обширный репертуар, склонность к джазовой музыке.

— Это было, пожалуй, то единственное, что смущало его начальников в идеально безупречном облике Николая, — невесело улыбнулась Наталья Афанасьевна. — В ту пору по-прежнему боролись с «низкопоклонством» перед Западом, в чем бы это ни проявлялось — в моде ли, музыке или живописи. Отступников яростно бичевали на собраниях в духе печально знаменитого изречения «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Чепуха, конечно! Но потом, когда Николай оказался на Западе, один флотский политработник не преминул все-таки припомнить: до чего же могут человека довести, мол, джазовые увлечения. Мне было смешно его слушать. Но я не смеялась, а вспоминала незатейливую песенку, кажется, Эдди Рознера, которую иногда напевал Николай:

Лейтенант, не забудь,
Уходя в дальний путь,
По морям упливая в дали,
Можно все потерять —
И невесту и мать,
Только помни,
Что Родина ждет.
И не раз он у женщин прекрасных
Мог остаться навеки в пленау,
Но шептал ему голос невесты
Про любовь, про родную страну...

После побега Артамонова в Швецию многих его друзей и товарищей по службе на флоте с пристрастием допрашивали компетентные органы: не замечали ли что? «Какие у вас были отношения? А он с вами не советовался?» И т. д. и т. п. Но мало, очень мало нашлось охотников задним числом поносить Николая Федоровича. Непосредственный командир Артамонова, капитан I ранга С. С. Ивановский прямо заявил, что и сейчас бы подписал ту блестящую аттестацию, которую дал Николаю год назад. Арестов, слава Богу, не последовало. На дворе был уже 1959-й, а не 37-й или 49-й годы. Правда, оргвыводы последовали решительные: экипаж эсминца расформировали.

Не поверили многие товарищи в «измену» Артамонова. Действительно, как мог блестящий офицер, досрочно получивший звание капитана II ранга, награжденный орденом Красного Знамени, командир современного эсминца, по-юношески влюбленный в свою красавицу-жену, в свой корабль, души не чаявший в трехлетнем сынишке Николеньке, вдруг стать перебежчиком? Коренной питерец, сын корабела с Канонерского завода, коммунист, воспитанник прославленного Военно-морского училища имени М. В. Фрунзе, где, как и потом на флоте, практически вся жизнь проходит на глазах товарищей, мог ли он втайне замыслить и подготовить побег за границу? Даже предположение на этот счет казалось чудовищным и абсурдным. «Наверное, был Николаю «дан приказ», — так пытался объяснить необъяснимый «соверкиль» Артамонова один из его ближайших друзей еще по училищу...

Молодой лейтенант после окончания учебы исправно служил на Балтике. Все шло своим чередом. Родился сын, супруги не могли нарадоваться своему первенцу.

— Ты Кольку еще не мыла? — частенько звонил Артамонов жене со службы. — Нет? Так подожди меня. Я сейчас мигом прилечу на катере.

И через полчаса причаливал к набережной морского канала в Балтийске, рядом с домом, где жила его семья. Малыша он купал с удовольствием, любил повозиться с мальчишкой. Укладывал его спать. Ну а потом, бывало, брал гитару и тихонечко, улыбаясь, напевал:

Быт часы в поздний час,
Крепко спи моя красавица.
Пусть пройдет много лет,
Ты мне также будешь нравиться...

В одну из наших встреч Наталья Афанасьевна вспомнила эту песню. И хотя назвала ее сентиментальной, с грустью стала напевать про часы в поздний час. Глаза ее заблестели от едва сдерживаемых слез. Подрагивала чашка чая в руке. Но это длилось минуты две, не более.

— Сколько лет прошло, — вздохнула Наталья Афанасьевна, — а любовь осталась. Все помню — и улыбку Коли, и его руки, колючие щеки, губы. Кажется, ушел Николай в дальнее плавание, а я, моряцкая жена, все еще жду его возвращения.

КАК «ПОГОРЕЛ» КОМАНДИР ЭСМИНЦА

Мы молчали. Я рассматривал фотографии, читал письма Николая Федоровича жене: сколько в них нежности, сердечной заботы о сыне! И звучит все это в строчках Артамонова искренне, отнюдь не натужно, как дань семейным формальностям, которые иные супруги выставляют напоказ. Да и слова-то находил военмор «свои», «особенные» — не те, что берут напрокат из советских производственных романов. Читал я про Николеньку-второго, чуть ли не обожествляемого Артамоновым сынишку, и никак не мог поверить в двуличие балтийского моряка. Интересно — шведские газеты в июне 1959 года писали, что, по заявлению прокурора, советский офицер, несмотря на затянувшийся на три дня допрос, так и не дал удовлетворительного объяснения причин своего побега на Запад. Даже шведская контрразведка была не в состоянии понять, что заставило блестящего флотского офицера оставить родину, дом, свой корабль и без хорошего знания языка, с пустыми карманами бежать на чужбину. Видно, не без оснований шведы подозревали, что перебежчик является советским разведчиком, заброшенным в «свободный мир» посредством инсценированного побега. Ехидные улыбки у западных специалистов вызывали ссылки на неисправную работу двух компасов из-за грозы.

Впрочем, и опытные советские мореплаватели в ответ на мой вопрос: «А можно ли на корабельном катере так заблудиться, чтобы ненароком пересечь едва ли не все Балтийское море, а вместе с тем и пограничные кордоны?» — тоже недоумевающие улыбались и разводили руками. Говорили при этом что-то вроде — возможно, конечно, но если кому-то очень захочется. Действитель-

но, просто невероятная история приключилась: командир эсминца, избогодивший Балтику вдоль и поперек, изучивший ее не только по спортивным картам, но и по тысячам миль плаваний, отправился на банальную рыбалку в устье Вислы (польский порт Гдыня), а попал на шведский остров Эланд. Получается, как в стихах А. Вознесенского: «дул» в Индию, а открыл Америку. В конце концов так и вышло — Артамонов из Швеции оказался в США. Но об этом позднее.

Прежде надо рассказать о том последнем, злополучном плавании Н. Артамонова в качестве командира на этот раз лишь корабельного катера.

Если полистать западноевропейские газеты за июнь — июль 1959 года, то редко в какой из них нет сенсационных сообщений о бегстве Артамонова. Подобные события всегда были сенсацией. Тем более, речь шла о советском военно-морском офицере, командире корабля. Ну а коли за загадочные истории берутся журналисты, пользующиеся свободой слова и привыкшие к плюрализму мнений, то они нередко еще больше запутывают дело своими догадками и предположениями. Однако из множества версий побега наибольшей популярностью, пожалуй, пользовалась романтическая. Шведские «Дагенс Нюхетер» и «Стокхолмс Тиднинген», например, сообщили, что любовь, «вспыхнувшая между 33-летним офицером красного флота и красивой 22-летней темноволосой девушкой, привела их к побегу из Гдыни. Офицер и девушка попросили «политического убежища». Была подруга перебежчика польской гражданкой Евой Гурой, выпускницей стоматологического факультета медицинского института.

Разные издания по-разному описывали историю побега Артамонова. Но наиболее достоверными представляются свидетельские показания Ильи Александровича Попова. Он был рулевым-мотористом корабельного катера, на котором вместе со своим командиром оказался в Швеции. Шведская сторона передала потом задержанного Попова советским властям, и его, естественно, допрашивали следователи по делу об измене Артамонова.

Кстати говоря, эти показания довольно полно приведены в статье «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?», опубликованной в «Литературной газете» в августе 1977 года под рубрикой «Об одной венской операции ЦРУ». Во время встречи с бывшим генералом госбезопасности О. Д. Калугиным я спросил его об этой публика-

ции и услышал, честно говоря, неожиданный для себя ответ:

— Как же, я, конечно, знаю эту статью. Мы писали ее с Генрихом Боровиком. Вернее, я предоставил необходимые материалы, и мы вместе их обсуждали, обговаривали — ну а потом шла литературная обработка.

— И все сведения в этой публикации правильные?

— Да, правильные, — несколько промедлил с ответом отставной генерал и добавил: — на тот исторический момент.

— А вы были в США знакомы с Николаем Федоровичем?

— Нет, лично с ним не общался. Видел однажды неподалеку...

Итак, Илья Попов на допросах показал: «С сентября 1958 года наш корабль находился на выполнении задания в польском порту Гдыня... В воскресенье, 7 июня 1959 года, около 17 часов Артамонов приказал мне подготовить катер к выходу на рыбалку в устье Вислы. Вечером он пришел на катер вместе со своей знакомой девушкой по имени Ева и дал команду двигаться в направлении Вислы. Мы прошли пост польских пограничников и вышли в открытое море. Ночью началась гроза. Артамонов два или три раза проверял, как я держу курс, и подменял меня за штурвалом... На рассвете он заявил мне: «Мы заблудились — шли неправильным курсом, так как гроза повлияла на работу наших компасов...» Когда мы подошли к берегу, Артамонов переоделся в гражданский костюм темно-синего цвета, спустил с катера военно-морской флаг и вместе с Евой сошел на берег. Он сказал мне, что сейчас узнает, где мы находимся, съездит за горючим и утром мы пойдем в Гдыню... Потом к катеру на автомашине прибыли двое штатских. Один произнес слово «полиция» и сделал знак, чтобы я садился в автомашину. Я несколько раз сказал слово «вахта» для того, чтобы он понял, что я нахожусь на вахте и не желаю никуда ехать. Тогда вдвоем они скрутили мне руки и втолкнули в автомашину. Меня ввели в дом, где, как оказалось, помещался полицейский участок. Я потребовал, чтобы меня соединили по телефону с советским консульством. Начальник сказал, что... там все спят.

Утром меня отвезли в другое полицейское помещение в центре поселка. Я увидел в коридоре Артамонова. Он сказал мне: «Наверное, ты поедешь в Гдыню один, я тут погорел...»

Меня допрашивали, настаивая ли я на том, что Артамонов заблудился и попал в Швецию случайно. Я сказал, что мы пошли на рыбалку и заблудились... Переводчик взял со стола газету и перевел мне приблизительно следующее: «Советский офицер бросил свою страну и бежал в Швецию». На снимке был изображен наш катер.

Поскольку на допросе мне несколько раз намекали на то, что Артамонов остается в Швеции, я попросил разрешения повидаться с ним. После допроса меня повели вниз — к камере Артамонова. Разговаривать с ним наедине мне не разрешили... Я сказал, что говорил по телефону с представителем советского консульства, и они приедут в Кальмар (городок в Швеции) к восьми вечера... Артамонов, опустив голову, сказал: «Зачем мне, Попов, теперь консульство, меня ожидает вот...» При этом он показал рукой на стенку камеры и сразу же руку убрал. Я понял это так, что его ожидает «стенка», то есть расстрел...

Я понял, что со мной ему не о чем говорить. Я спросил Артамонова, что передать начальству после возвращения. Он подумал и сказал: «Передай, что, как только меня отпустят, я вернусь...» В воскресенье, 14 июня 1959 года, я самолетом прибыл в Москву».

К бесхитростному рассказу рулевого-моториста Попова можно было бы добавить целый ворох подробностей из западных газет июня 1959 года. Но существа дела они не меняют, а лишь расцвечивают протокол допроса всякого рода домыслами — кто во что горазд. Единственное, в чем сошлись журналисты, — Артамонов не мог заблудиться в водах Балтики, он рулил в Швецию намеренно, игроза была ему в помощь — мешала обнаружить беглецов и начать их преследование. К тому же некоторые репортеры не разделяли романтической версии побега, у них было на этот счет другое мнение.

В совместном сочинении Калугина и Боровика в «Лит-газете» история Артамонова больно уж смахивает на расхожие кинематографические сюжеты советского производства. Все изображено по выверенной еще в годы сталинщины схеме: быстрая карьера вскружила голову Артамонову, появились зазнайство, высокомерие, эгоизм, чувство вседозволенности. Он начинает искать новых «друзей». Ими, конечно же, оказываются офицеры иностранных флотов, представители которых находились тогда в Гдыне. Некоторые из них, разумеется, были

связаны с западными разведками. И любовница моряка Ева Гура, естественно, тоже значилась в тайных агентах. Она, естественно по заданию, до того вскружила упомянутому карьерой Артамонову голову, что он не только потерял ее, но заодно и честь, совесть, благородство. Стоило прекрасной Гуре объявить себя беременной от военмора, как он тут же решается на побег в Швецию — в поисках выхода из положения, к тому же путешествие сулит интересные приключения. Согласитесь, этот рассказ напоминает еще и драму гоголевского Тараса Бульбы, когда его сын Андрий изменяет славному казацкому делу ради дьявольски красивой полячки. Десятки раз потом этот сюжет повторялся в кино и дешевой литературе. Остается только удивляться, как Артамонову, такому несерьезному человеку, доверяли эсминец, воспитание десятков молодых моряков.

Ну а раз речь зашла о сходстве со шпионским кино, избитыми литературными сюжетами, то и я, по примеру кинематографистов и литераторов, решил привлечь на помощь компетентных консультантов, для которых обеспечение госбезопасности было в прошлом профессией. О деле Артамонова они знали или хотя бы были наслышаны. Публикации на эту тему в печати бывшие чекисты с удовольствием разносili в пух и прах.

— Дай мне кто-нибудь на рецензию такие сочинения, то я бы написал в отзыве всего одно слово — «чепуха», — возмущался авторитетный в прошлом чекист.

— А я бы одним словом не ограничился, — улыбнулся его бывший коллега. — Я бы еще добавил «на постном масле».

— Но ведь американцы поверили же Артамонову, — попытался я возразить специалистам, — взяли его на работу консультантом в разведывательное управление министерства обороны США. Он же там 15 лет консультировал.

— А может, они с ним двойную игру вели, сделали только вид, что доверяют? А на самом деле он тянул лямку в каком-нибудь специально созданном для таких целей «сверхсекретном» отделе — нечто вроде ложного штаба для разведки противника. Ну а потом, куда же наша контрразведка в Гдыне глядела — она в ту пору там очень даже сильная была. Эту самую Еву Гуру наши спецы за день бы вычислили и вычистили — только бы ее Артамонов и видел...

Мои собеседники выдвигали одну версию за другой,

словно изошряясь в остроумии. Куда там скорописцу детективов Юлиану Семенову! Какие там «мгновения» и «альтернативы»! У меня, признаюсь, голова кругом пошла, как у самого Артамонова, когда его склоняла к измене родине прекрасная и коварная Ева Гура.

— Так где же правда? — взмолился я под градом насмешливых реплик консультантов.

— А вы Калугина получше расспросите, — посоветовал один из ветеранов. — Только правд, молодой человек, на свете много. У каждого своя. Помните фильм «Расемон» Акиры Кurosавы? Я бы его показывал как учебное пособие для следователей. А вот истина — она одна, единственная.

Жаль, конечно, что бывшие спецы так и не открыли мне профессионально известных им методов постижения истины, хотя бы в деле Артамонова. Впрочем, они в конце концов и сами запутались в своих предположениях и чуть ли не пересорились — каждый отстаивал свое мнение.

С РЫБАЛКИ НЕ ВЕРНУЛСЯ

Официальные известия о бегстве Артамонова не сразу дошли до Балтийска. Слухи, как всегда, опередили компетентную информацию. Наталья Артамонова вдруг ощущала некую отчужденность в отношениях со знакомыми. Стала размышлять, почему бы это и отчего, как тут все и началось.

— У меня было такое впечатление, словно земля под ногами разверзлась, — вспоминает Наталья Афанасьевна о том, как восприняла сообщение о побеге мужа. — Я почувствовала себя оглушенной, раздавленной. Но больше всего меня, как женщину, поразило известие о том, что Николай ушел в Швецию не один, а с любовницей. Обида душила, потрясла супружеская измена. И все, что происходило потом, я воспринимала как-то безучастно и равнодушно, с омертвевшей душой. Только возле сынишки отогревалось сердце...

Что последовало в семье Артамонова, представить совсем нетрудно. Все как положено — тщательный обыск на квартире, изъятие вещей, документов, некоторые из них так и исчезли бесследно. Разговоры со следователями «по душам» и официальные допросы. Наталья уволилась из музея Балтийского флота, который она вместе с другими сотрудниками создавала в Балтийске, переехала

к отцу в Ленинград. Там устроилась работать в Центральный музей военно-морского флота. Как ни странно, ее, жену предателя, приняли в эту военно-ведомственную организацию, где когда-то на стене висел и портрет ее мужа как одного из лучших флотских офицеров.

Вообще, в последующей жизни Натальи Афанасьевны много до сих пор не разрешенных загадок и странностей. Сначала ее «нечаянно» оклеветали: в секретном приказе по военно-морскому флоту содержался неприкрытый намек, что неверность легкомысленной жены могла якобы послужить причиной угарного увлечения ее мужа прекрасной полячкой. Попробуй-ка потом докажи сплетникам, что ничего подобного и в мыслях не было — вся жизнь, все время без остатка принадлежали любимому мужу и сыну.

Хорошо еще отец был рядом, поддерживал. Афанасий Акимович как-то внутренне подобрался, словно ждал, что судьба ниспоследует ему и его семье новое суровое испытание. По редким, отрывочным рассказам обычно молчаливого и сдержанного отца Наталья Афанасьевна знала, как его мордовали — в прямом и переносном смысле слова — на допросах в 1938 году, когда из комиссара бригады военных кораблей Тихоокеанского флота выбивали признание, что он агент японских милитаристов и замышлял увести вверенное ему боевое соединение к «заклятым врагам СССР». Как видите, история в какой-то степени повторилась, только на этот раз в некоем вычурном варианте, профессионально срежиссированном компетентными органами.

— Однажды папа, горько улыбнувшись, признался — тогда он считал поначалу, что таким жестоким образом его пытают на верность большевистской партии и ее мудрому вождю Сталину, — рассказывала Наталья Афанасьевна. — Он думал, выдержит эту издевательскую проверку и его отправят на какую-нибудь особо важную и секретную работу...

Афанасий Акимович устоял, ни в чем не признался, ничего не подписал, как ни советовали ему «подумать и вспомнить», никого не оклеветал, чтобы поделить вину за инкриминируемое ему тягчайшее преступление. После освобождения, во время Великой Отечественной войны Малютин храбро воевал, был награжден боевыми орденами, получил, правда сухопутное, звание полковника. Он оказался среди тех отчаянных смельчаков, что держались до конца в осажденном Севастополе. Ночью на подводной

лодке последними из его защитников они выбрались из вражеского огненного кольца.

Спустя десяток лет судьба свела Афанасия Акимовича с одним из тех следователей, что и себя не щадил, когда ночи напролет беспрерывно допрашивал комиссара Малютина. Был тот уже в генеральском чине — выслушался. Ничего доброго не ждал бывший комиссар от встречи со старым знакомым. А вышло иначе. Генерал госбезопасности проявил к прежней своей жертве человеческое участие, пошел даже на известный риск, предупредив старого моряка о том, что против него снова готовятся возвести тяжкие обвинения, на этот раз в антипартийной деятельности. И по-товарищески, искренне и очень тонко, посоветовал, как «развалить» начатое против полковника дело. И тогда обошлось без заключения в тюрьму, гроза миновала.

Такие вот фантастические повороты бывают в житейских историях. А придумай такой поворот модный киносценарист — ведь ни за что не поверят.

Главное же, конечно, не в этом. Важно, что из прошлого семья Малютиных вынесла опыт «общения» с госбезопасностью. Знали и отец, и дочь, что это организация серьезная и «слезам не верит». На снисхождение рассчитывать здесь не приходится, а ослушание карается строго. Поэтому Наталья Афанасьевна следовала рекомендациям сотрудников госбезопасности, если уж не беспрекословно, то во всяком случае соглашаясь после споров с их доводами, что так, мол, будет лучше для обеспечения безопасности ее и сына. Правда, Малютина — тогда еще Артамонова — никак не могла взять в толк, почему это после побега мужа с ней и ее семьей станет враждовать Центральное разведывательное управление США, но... А что оставалось? Не ссориться же со всемогущими советскими органами госбезопасности, да еще в ее положении? Она-то хорошо знала, чем могли бы обернуться ее неуступчивость и несговорчивость.

Да, хотя и миновал уже XX съезд КПСС с ошеломившим мир докладом Н. С. Хрущева о сталинском культе, жестоком терроре, были разоблачены «английский шпион» Лаврентий Берия и его кровавые сатрапы из МГБ, но страх все равно остался в сознании советских людей. «Вооруженный отряд партии» тогда мало в чем утратил свое безраздельное влияние. Гражданского общественного мнения в ту пору еще не существовало, а непокорные подавлялись цензурой, служебными гоне-

ниями, преследованиями властей, вплоть до заключения в лагеря и психушки. Это было в то время, когда общественное мнение могло проявлять себя лишь подспудно, нелегально, разве что в дискуссиях на кухнях коммуналок, в самиздатовских рукописях, распространявшихся по принципу «прочитал сам — передай товарищу», разумеется, доверенному товарищу.

И поэтому, когда Наталье Афанасьевне «компетентные» товарищи сказали: надо бы быстренько развестись с мужем-предателем, то она, уловив «да» в глазах молчаливого отца, согласилась. Полковник В. Андрианов привернул все в два счета в городском суде Калининграда. Артамонова объявили пропавшим без вести, и стала Наталья Афанасьевна снова Малютиной, вскоре ей и паспорт новый выдали и другие документы выправили, как положено. Мало того, затем молодая женщина даже вступила в фиктивный брак с сотрудником ГБ. Ей сказали «Так надо!» — и она повиновалась.

Судебные, административные органы делали все по указке, без «излишних формальностей». Между тем все причастные к судьбе Малютиной прекрасно знали, что ее муж жив, здоров и даже не лишен советского гражданства, хотя военный трибунал и приговорил его заочно к высшей мере наказания за государственное преступление. Вот выдержка из обвинительного заключения: «...На основании изложенного обвиняется Артамонов Николай Федорович в том, что он, находясь с кораблем на выполнении специального задания в порту Гдыня Польской Народной Республики, изменил Родине и вечером 7 июня 1959 года на корабельном катере бежал в Швецию, где возбудил ходатайство о предоставлении политического убежища, которое ему предоставлено, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления...».

Итак, Малютину развели с Артамоновым. Но этим дело не ограничилось. Ее родного сына, а своего родного внука усыновил дед Афанасий Акимович. И стал Николенька-второй теперь не Артамоновым, а Малютиным, а его дедушка превратился в его отца. Поистине, нет таких чудес, которые были бы недоступны «волшебникам» из компетентных органов. И никто ведь не осмелился сказать им: «Что вы! Так нельзя, это грубейшее нарушение закона!» Все соглашались с «доводами» КГБ.

Когда сегодня слушаешь рассказы Натальи Малютиной, ее друзей, перебираешь сохранившиеся документы, то невольно приходишь к выводу: сотрудники госбезопасности старались сделать все, чтобы не осталось ни следа пребывания Николая Федоровича Артамонова на родной земле, ни следа беспорочной службы на флоте. Еще раньше, до побега в Швецию, умерли его родители. Теперь же он остался без жены и сына, а друзей-составивцев «разбросали» по разным флотам и соединениям в порядке расформирования проштрафившегося воинского коллектива — не углядели там, позволили сбежать предателю...

А странные и загадки в дальнейшей жизни Малютиной (бывшей Артамоновой) между тем продолжались.

«ЗАБУДЬТЕ ВСЕ, ЧТО МЫ СКАЗАЛИ!»

Рано или поздно Наталья Малютина не могла не задуматься о том, с чего бы это вдруг сотрудники ГБ так «заботливо» опекают ее с сыном? Это наивно, конечно, но хорошо было бы ответить на этот вопрос благими рассуждениями о гуманной помощи женщине-матери, которая оказалась в драматическом положении, о необходимости обеспечить ее спокойствие и безопасность. А что? Вдруг и на самом деле ЦРУ решило бы каким-то образом перебросить жену Артамонова и его сына в США и воссоединить распавшуюся семью после побега командира советского эсминца в благоденствующую Швецию. Но в таком случае, профилактики ради, проще всего — взять да и заслать семейство Малютиных куда Макар телят не гоняет, а иностранным и отечественным лицам, как-то с ними связанными, не положено и близко нос совать. Подобная практика не только в 60-е годы была широко распространенной. Не то, что в наши перестроечные времена, хотя и сейчас, судя по публикациям печати, не остаются без «опеки» КГБ семьи перебежчиков, особенно тех, кто прежде числился в рядах самого тайного ведомства. Стоит вспомнить, например, Олега Гордиевского. Впрочем, и судьба другого Олега — Калугина, очень даже причастного к истории Николая Артамонова, весьма показательна. Он, правда, никуда не перебегал, но стоило ему чуть приоткрыть завесу над «разведывательными» операциями госбезопасности внутри СССР, заявить о своих демократических взглядах, как его по-быстрому

лишили и генеральского звания, и пенсии, и наград. Хорошо еще, не лишили советского гражданства.

Вернемся, однако, в год 60-й. Наталью Малютину не только не исключили из КПСС, как положено за утрату политической бдительности (за мужем-то не доглядела!), но даже и партийного взыскания никакого не вынесли. Да, она сменила фамилию и местожительство — из закрытого, кстати говоря, для посещений иностранцев военно-морского порта Балтийска переехала в Ленинград, столь популярный среди интуристов. Да и работа была у Натальи Афанасьевны, как и прежде, музейная.

На невских берегах трудилась теперь Малютина в Центральном Военно-морском музее, постепенно приходя в себя от пережитого. «Стала потихонечку выползать из своей раковины, — сказала Наталья Афанасьева, — оглядываться, вспоминать и задумываться».

Вспомнила она, понятно, и как много странностей случалось в последний год ее совместной жизни с Николаем Артамоновым. Поехала с мужем в сочинский военный санаторий. Знала — ни за что с Николаем вместе не поместят, и стала подыскивать, где бы поселиться. Ведь там сервис, внимание прямо зависели от величины и количества звезд на погонах супруга. На что мог рассчитывать скромный тогда еще капитан III ранга? В лучшем случае, на койко-место в не очень многолюдной палате. А тут вдруг Артамонову выделяют отдельный домик, словно он в адмиральском звании, чей-то сынок, или влиятельный офицер из главного морского штаба. Высокопоставленные обитатели соседних отдельных особнячков по утрам вежливо раскланивались с молодой парой, внимательно смотрели ей вслед, а вскоре приняли Артамоновых в свой избранный круг.

Вспомнила она, и как ее муж, который раньше сетовал, что то ли никогда не видит снов или еще до побудки их забывает, принялся рассказывать о своем странном сновидении. Будто бы он, Артамонов, со спецзаданием отправлен на Запад к потенциальному противнику, разведывает всякие там атомные секреты, а спустя много лет с честью возвращается на родину, домой. «А ты меня будешь ждать, Наташенька?» — спрашивал Николай. «Да ну тебя, насмотрелся „подвигов разведчика“ что ли?» — смеялась молодая жена.

Вспоминала Наталья и тот ночной телефонный звонок весной 1959 года. С Николая тогда сон как рукой сняло. Он отвечал четко и кратко. Потом повесил трубку и в от-

вет на вопрос жены: «Кто звонил?» — ответил: «Молоток человек, четыре года в Америке оттрубил». Потом, спохватившись, поправился: «Да флотский он мужик, на гражданке плавает».

Вспомнила Наталья и свое странное и тяжелое предчувствие во время проводов мужа из Балтийска с эсминцем «Сообразительный» на специальное задание в Гдыню. Корабль выходил по каналу в море, а она бежала следом и плакала. «Никогда такого раньше не было. Словно знала, что провожаю Николая в последний раз». С командирского мостика Артамонов просемафорил какой-то текст своему тестю, старому военмору, который гостил у дочери. Афанасий Акимович проводить зятя вышел на балкон: дом-то стоял на берегу морского канала. Видно, не зря Николай заранее поинтересовался — не запамятивал ли тестя азбуку Морзе, раз решил просигналить несколько слов на прощание. Так и не узнала Малютина, что же передал муж ее отцу. Старый моряк отмалчивался и унес эту тайну в могилу...

Между тем жизнь в Ленинграде налаживалась. Афанасий Акимович держался на удивление спокойно, с присущим ему достоинством, как будто все шло как положено и не было никаких чрезвычайных происшествий. Когда в квартиру снова зачастили сотрудники ГБ, Малютин потребовал, чтобы его семьей занимались только представители военно-морской контрразведки. И его требование выполнили.

— Наши «связные» были, в общем-то, довольно симпатичные, образованные офицеры, — рассказывала Малютина. — Они, действительно, чем могли помогали нам в устройстве быта, однако требовали, чтобы мы держались настороже. Ни в коем случае не отпускали сына одного на улицу, провожали в школу и встречали. Много было и других рекомендаций. И всякий раз наши беседы заканчивались одним и тем же послесловием: «Забудьте все, что мы вам сказали». Одно время в нашей квартире даже жил мой так называемый муж по фиктивно заключенному браку. Потом, наверное, надобность в его присутствии отпала, и он был отправлен в плавание на торговых судах, очевидно, со спецзаданием.

До поры до времени ничего особенного не случалось. Правда, однажды Малютина заметила возле дома автомобиль с дипломатическим номером. Элегантный незнакомец, стоявший поблизости, попытался с ней заговорить: «Вы Артамонова?» «Нет, вы ошиблись, — твердо ответила

Наталья Афанасьевна, — я Малютина». И заспешила домой.

А что же в то время происходило с Николаем Федоровичем Артамоновым? После побега в Швецию, уже в июне 1959 года, он принял предложение сотрудничать с американской разведкой. За это гарантировали переезд в США, финансовую помощь и постоянную работу. В сентябре его увезли в ФРГ и месяц «обрабатывали» в особняке американской разведки. Затем под именем Николаса Джорджа Шадрина поселили в Александрии под Вашингтоном и там, выпотрошив из него всю возможную информацию о советском ВМФ, какая только была доступна старшему флотскому офицеру, американцы окружили его, естественно, подонками и предателями. И стал блестящий бывший военмор катиться вниз по наклонной плоскости. Опять расхожий шпионский сюжет. Но не я его придумал. Этот рассказ я привожу по публикации в «Литературной газете» от 17 августа 1977 года под заголовком «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?». Я уже упоминал о ней раньше.

Калугин, когда я с ним беседовал, прямо отоспал меня к этому газетному материалу, который, по его словам, напоминаю, Генрих Боровик готовил вместе с ним, тогда еще не отставным, а действующим кагэбэшником, годом ранее произведенным в генеральский чин. Видимо, Олег Данилович не считал необходимым пересматривать концепцию артамоновской истории, как-то дополнить или что-то разъяснить в уже изложенной много лет назад версии. И все же конец в этой истории оказался иным, чем в публикации «Литгазеты».

Но об этом позже. Сейчас снова об Артамонове, ставшем консультантом РУМО (разведывательного управления министерства обороны США) по советским Вооруженным Силам. Он пользовался информацией американских спецслужб — естественно, той, которую ему предоставляли, читал советские газеты, анализируя состояние Военно-морского флота СССР, готовил доклады своим шефам, читал лекции для американских офицеров ВМС.

«Он был довольно обеспеченным человеком, — рассказывали Боровик с Калугиным в «Литературке» об Артамонове-Шадрине, — прежде всего за счет Евы Гуры, которая занималась зубоврачебной практикой». В газете утверждалось, что американские власти незаконно зарегистрировали брак «влюбленных беглецов», так как Арта-

монов не был разведен со своей женой, живущей в СССР. Однако развод с «пропавшим без вести» Артамоновым, как читатель знает, все же был организован в СССР, в Калининграде, спустя месяц после побега командира эсминца в Швецию. Интересная подробность — детей у Шадриных не было. Так и неизвестно, что же случилось с беременностью прекрасной полячки. А ведь именно это пикантное обстоятельство вроде бы стало чуть ли не решающей причиной бегства Артамонова за кордон. Неужели Ева банально шантажировала Николая? Если это так, то можно себе представить, какая сложилась у новобрачных «дружная семейка». Впрочем, стоит ли строить какие-то предположения по этому конкретному поводу, если в этой истории так все запутано. Права, помоему, газета «Вашингтон пост», утверждая, что дело Артамонова «столь же интригующе, как шпионский роман».

СТАВКА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЖИЗНЬ

В мае 1966 года у Николая Артамонова-Шадрина, ставшего кадровым сотрудником РУМО, вдруг начала «пробуждаться совесть», вернее, то, что от нее осталось после измени родине, своей семье, воинскому долгу. Это по версии некоторых журналистов. Он стал искать контактов с советскими людьми, работающими в посольстве, и неожиданно преуспел в этом. После того, как из Москвы были получены материалы об Артамонове, его фотография, в американском консульстве убедились, что незнакомец, «приставший» к советскому дипломату с разговорами в торговом центре, не самозванец, а действительно тот самый Артамонов. И, в конце концов, офицеры разведывательного управления КГБ приняли предложение гражданина США Николаса Джорджа Шадрина (Артамонова) о тайном сотрудничестве. И стал человек с двойным гражданством (СССР и США), вдобавок двоеженец, еще и двойным агентом. «Он был двойным агентом, представлявшим американскую разведку и одновременно делавшим вид, что шпионит для Кремля», — писала впоследствии об Артамонове влиятельная и хорошо информированная газета «Вашингтон пост».

Связным у Шадрина был кадровый советский разведчик, названный в уже известной читателям публикации «Литературки» И. А. Орловым.

— Кто такой этот Орлов, знаете ли вы его? — допытывался я у Калугина.

— Нет, я не знаю, кто он, — не сразу, но твердо ответил Олег Данилович, который не мог, конечно, не заметить, как я удивился его ответу.

Мои добровольные помощники-консультанты, отставные контрразведчики, после долгих размышлений на тему, кто был этот связной, даже высказали с большой степенью вероятности предположение, что Орловым назывался сам Калугин. Ведь в это время он как раз и работал в США, числясь в 1965—1970 годах сначала вторым, а затем первым секретарем посольства. В пользу этой версии говорит и тот немаловажный факт, что именно Калугину поручили в августе 1977 года помочь Боровику подготовить материал об Артамонове в «Литературке».

Как рассказывал тот самый некто И. А. Орлов, имелся в виду и другой вариант. Артамонов-Шадрин лжет о своем раскаянии и стремлении искупить вину перед Родиной. На самом же деле он не чувствует никакого раскаяния, а по заданию своих хозяев пытается стать двойным агентом — чтобы вести игру с советской разведкой. Как ни странно, но оба предполагаемых варианта оказались близкими к истине. На первой же нелегальной встрече с И. А. Орловым Артамонов признался, что искал контактов по указке разведки США, но это задание совпало с искренним его желанием хотя бы частично искупить свою вину перед Родиной.

Ситуация сложилась необычная. Однако резидент советской разведки по согласованию с центром решил продолжить контакты с Николасом Шадриным. В любом альтернативном случае — будь заверения Артамонова о «честных и благородных» намерениях правдой или, наоборот, чистой провокацией — он, естественно, не мог получить от советской стороны никаких сведений, которые оказались бы полезными противнику. Польза же от таких контактов, окажись двойной агент хотя бы наполовину правдивым, могла оказаться немалой.

Но американские профессионалы тоже не простаки. Они прекрасно понимали, что никакой секретной информации, кроме безнадежно просроченной (долго, мол, шла из Союза), Артамонов во время этих встреч не получит. Затем же они пошли на эту игру? Вероятно, в расчете определить круг лиц, с которыми будет связываться Шадрин, заслать дезинформацию, со временем, когда агент обретет доверие, выявить методы работы советской

контрразведки и, может быть,— в случае успеха — даже советских нелегалов на территории США.

Трудно, очень трудно быть «слугой двух господ». Когда же речь идет о разведке, то нерасторопного слугу, запутавшегося в дезинформации, подстерегает смертельная опасность. В завязавшейся игре двух разведок ни та, ни другая проигрывать не собиралась. Но ставку обе стороны сделали на одну, образно выражаясь, «лошадку» — Артамонова-Шадрина. Придя к финишу, она могла привезти только один приз. И вопрос о том, кому он достанется, долгое время оставался открытым. Каждый из противников мог рассчитывать на удачу.

— В этой опасной игре был, конечно, свой интерес и у Артамонова,— рассуждал мой консультант, отставной чекист.— В любом случае, с самого ли начала он был заброшен нашей разведкой на Запад или же действительно спустя семь лет после самостоятельного бегства в Швецию «вдруг у разбойника лютого совесть Господь пробудил» — бывший офицер дважды Краснознаменного Балтийского флота, похоже, крепко затосковал по семье и друзьям, родному дому. Короче говоря, Николас Шадрин решился на «двойную игру», потому что очень хотел вернуться на Родину. В начавшейся игре у него была своя ставка из тех, о которых в шпионских детективах пишут — «ставка больше, чем жизнь».

Артамонов понимал, что надо заслужить право возрвщения в отчий край, делом искупить свою вину. И он старался, действовал с немальным риском, зная, что при первой же оплохиности американские спецслужбы расправятся с ним. Благодаря Николасу Шадрину советская разведка получила важные данные о многих специалистах, работавших в американской разведке, особенно в тех ее отделах, которые имеют отношение к перебежчикам из Советского Союза, о методах работы, организационной структуре и другие ценные сведения... Агент, конечно, приносил и ту информацию, которую составляли для «игры» американские шефы. По этой информации нередко разыгрывались мероприятия для того, чтобы американские спецы поверили — их советские противники доверяют Артамонову, а значит, и достоверности «добытых» им секретов ЦРУ.

Нет, далеко не сразу решился Шадрин-Артамонов заговорить о возвращении в СССР. Но пришло время, когда он, очевидно, счел, что уже немало сделал для искупления «своей прошлой вины», почувствовал себя

смертельно уставшим от постоянного напряжения опасной «игры», от непомерной тяжести той двойной ставки, которую сделали на него противоборствующие разведки. Можно себе представить, чего ему стоило всякий раз после встречи с советским связным, так называемым Игорем Александровичем Орловым, хотя бы писать отчеты американским шефам, да так, чтобы комар носа не подточил?

Наконец на одной из встреч Артамонов вручил связному свое заявление в Верховный Совет СССР, в котором писал: «Сознательным, закоренелым врагом своей Родины я никогда не был. В то же время необходимо полностью признать всю тяжесть преступления и его результатов, ничем не отличающихся от действий иностранных врагов СССР. Никоим образом не освобождая себя от ответственности за совершенное, прошу дать возможность искупить свою вину, если я смогу как-то помочь моей Родине, и затем вернуться домой...». По сути дела, это было прошение о помиловании. Опаснейший для жизни Артамонова документ. Вряд ли он согласовывал этот шаг со своими американскими шефами. Они же не могли не понимать, что это заявление гарантирует, по существу, их советских противников от провала. Как бы дело в конечном счете ни обернулось, стоило бы только письменное раскаяние Шадрина опубликовать в советской и западной печати, симпатизирующими успехам Советского Союза в строительстве «светлого будущего всего человечества», разумеется, с необходимыми комментариями, и ЦРУ наверняка проиграло бы в глазах общественного мнения, потерпев поражение в борьбе за идеальное и нравственное влияние на своего «двойного агента».

А если бы сотрудники спецслужб под каким-нибудь предлогом (скажем, нарушения правил дорожного движения) задержали И. А. Орлова и нашли у него это заявление, то на этом бы и закончилась «двойная игра». Как видите, бюрократизм в делах разведки опасней даже, чем в нашей повседневной трудовой деятельности. Лучше было бы, если бы Артамонов написал прошение в Верховный Совет СССР после возвращения домой. Но и в центре, наверное, очень хотели заблаговременно получить этот документ как гарантию успеха операции при любом повороте событий.

— Не думаю, что Артамонов поставлял нашему резиденту в США какую-то ценную информацию,— ска-

зал один из моих добровольных консультантов по «шпионским страстям», как он сам иронически выразился.— Консультант РУМО — это должность, вроде той, которой удостаивают в нашей стране «сгоревших на работе» высших руководителей после ухода их на пенсию «по состоянию здоровья». Звание «консультант» как будто бы звучит, а на самом деле носители его отстраняются от активной деятельности, связанной с анализом обширной информации. Так, выполняет себе человек разовые поручения, а ему внушают, что без его услуг, знаний и опыта уж никак не обойтись, тешат консультантское самолюбие за счет государственного бюджета.

— Я вот тоже вроде бы консультирую вас по роду своей прежней деятельности,— продолжил мой помощник.— Правда, безвозмездно и, к сожалению, без привлечения каких-либо архивных документов. Теперь мне вход в архивы КГБ заказан, как и доступ к другим источникам информации, даже если она по существу уже утратила секретность, а имеет разве лишь историческое значение. Так что анализ я провожу в свете своего прошлого опыта, просто логически рассуждая. До перестройки в нашей стране все было идеологизировано, вплоть до частной жизни. Ну а о разведке и говорить не приходится. И я убежден, что в истории Артамонова главную роль играл именно идеологический аспект, а вовсе не те «ценные» сведения, которые он приносил связному из РУМО, тем более, что Разведывательное управление министерства обороны США на два порядка уступает мощному, прекрасно оснащенному ЦРУ. Нашим разведчикам важнее всего было вернуть раскаявшегося перебежчика в Союз. А потом ваша журналистская рать, с подачи КГБ, подняла бы по этому поводу шум до небес и долго срамила бы всю разведку США, а заодно и американский образ жизни с его бездуховностью, жестоким индивидуализмом и неутомимой жаждой наживы. Но не получилось, как задумано. Американцы были начеку и, видимо, не упустили Артамонова с его раскаянием в СССР.

А может быть, я ошибаюсь?..

ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ?

В последние годы все больше чувствовалось, что Артамонов устал. Все чаще он говорил о тоске по Родине и семье, вспоминал о службе на Балтийском флоте. Когда

осенью 1975 года Артамонов сообщил связному о возможности приехать в Австрию, то И. А. Орлов условился с ним о встрече в Вене для того, чтобы обговорить вопросы возвращения в Союз. Встречу назначили возле собора Вотивкирхе, как раз напротив здания американского консульства. Артамонов предупредил, что поставил американцев в известность о предстоящем раневу. И, надо полагать, они охотно воспользовались возможностью запечатлеть это свидание на фото- и кинопленку. Перед финальным свистком игра шла уже в открытую.

Никто не «вел» машину, в которой ехали разведчики. Как вспоминал Орлов, Артамонов говорил, что его тяготит работа на американскую разведку, жаловался на усталость. Давала о себе знать и недавно перенесенная тяжелая операция. Очень остро поставил он вопрос о возвращении на Родину. Связной пообещал сделать все возможное, чтобы ускорить получение официального разрешения на въезд в СССР. Договорились встретиться через день, 20 декабря. Однако в назначенный час Артамонов не явился на встречу в условленном месте. Не было сигналов от Николаса Шадрина и в последующие дни. И когда связные уже решили его разыскивать, используя возможности разведки, вдруг 30 декабря в МИД СССР пришло уведомление из посольства США в Москве.

Заведующий консульским отделом американского посольства советник Клиффорд Гросс передал записку следующего содержания: «Как стало известно, Николас Джордж Шадрин, являющийся в настоящее время гражданином США, встретился 18 декабря в Вене с двумя советскими официальными лицами... Он снова встретился с ними 20 декабря в Вене, но после этой встречи не вернулся и с этого дня пропал без вести...». Вот ведь какой неожиданный поворот получился! Игра двух разведок вышла на уровень официальных межгосударственных отношений. Зачем американцы пошли на дипломатический демарш? Неужели бесследные исчезновения всякого рода эмигрантов-перебежчиков из СССР столь редки, что это могло послужить предлогом для дипломатических заявлений? Конечно же, нет. Все дело в личности Артамона-Шадрина, двойного агента.

Многое для меня лично стало бы куда более понятным, если бы я поверил «слухам» о том, что Николас Шадрин будто бы мог без доклада являться к самому Президенту США Джону Кеннеди как его близкий друг

и доверенное лицо. А что, может, и впрямь двух бывших военно-морских офицеров связывала дружба? Вспомните, во время второй мировой войны Кеннеди водил в атаки на японских самураев торпедный катер и однажды чуть не погиб в бою. Но это для меня уж слишком недостоверная информация. Чертесчур невероятно!

Уже известный нам И. А. Орлов рассказывал: «Возможно, Артамонов допустил какую-нибудь трагическую для него оплошность после 18 декабря и ЦРУ, узнав о его предстоящем возвращении на Родину, поняло, что игра проиграна, что это скандальный провал, и поспешно убрало Артамонова, а чтобы замести следы — обвинило в этом другую сторону». Орлов говорил, что, зная методы ЦРУ, трудно предположить, что разоблаченного агента держат в заключении: слишком опасно для американских спецслужб.

Итак, ни одна из сторон не взяла на себя ответственности за таинственное исчезновение Артамонова и не пыталась даже объяснить, куда же мог вдруг запропаститься агент из кольца внимательных глаз профессионалов двух разведок. Может быть, в конце концов Николас Шадрин выбрал какой-то третий, свой вариант, не предусмотренный правилами «двойной игры»? Кто знает...

Очевидно, история двойного агента прескокайненко отправилась бы в архивы ЦРУ и КГБ с надписью «пропал без вести», если бы не Ева Гура, американская жена Артамонова. Да, та самая прекрасная полячка, которая так очаровала командира эсминца, что склонила его к измене Отечеству и бегству в Швецию. После 20 декабря 1975 года американские спецслужбы вывезли ее из Вены, «рекомендовав» никому не рассказывать об исчезновении Шадрина. Однако адвокат Гуры-Шадриной рекомендациям не внял и рассказал американским журналистам о загадочном исчезновении мужа своей подопечной. Пожалуй, юрист испортил концовку игры двух разведок. Американцы же в своей дипломатической записке прямо не обвиняли советскую сторону в причастности к исчезновению Артамонова, разве что намекали на это. Наши специалисты приняли эти заявления к сведению и, судя по всему, никаких встречных обвинений или протестов не выдали. Такое впечатление, что участники шпионской игры, длившейся много лет, молчаливо согласились на «ничью». Государственный департамент США даже выразил сожаление по поводу того, что, несмотря на все

принятые меры, не удалось избежать публикации материалов по делу Шадрина.

Спустя 18 месяцев после венских событий, в июле 1977 года, в ведущих газетах и журналах Америки, передачах радио и ТВ замелькали сенсационные сообщения, пестревшие словами «агент КГБ», «двойной агент» и даже «тройной агент». Пресса вовсю расписывала приключения Николаса Джорджа Шадрина, который, по заверениям репортёров, работал на спецслужбы США и таинственно исчез после встречи с сотрудниками КГБ в Вене в декабре позапрошлого года. «Дело Шадрина, исчезнувшего в Австрии 18 месяцев назад, явилось предметом многочисленных официальных и неофициальных (?) американо-советских контактов...» — писала все та же газета «Вашингтон пост».

Но были и другие суждения.

— Для вас, наверное, не секрет, что средства массовой информации порой используются разведками в их противоборстве, — сказал мне один из моих консультантов. — Через газеты можно, например, организовать «утечку информации», написать такое, о чем невозможно сказать в официальном заявлении. Таким образом, вполне реальная попытка спровоцировать и ответное выступление с другой стороны: а вдруг она в чем-нибудь нена роком проболтается. Я думаю, что в деле Артамонова мы имели схожий случай. История двойного агента не случайно вышла на орбиту массовой информации. Может статься, что соперничающие разведки продолжили свою, как оказалось, незаконченную игру на страницах массовых изданий, на радио и телевидении.

И снова, как и 17 лет назад, после бегства Артамонова в Швецию, в печати и на телезреконах замелькали фотографии Николая Федоровича, когда-то блестящего морского офицера, который в составе советской эскадры был на торжественной коронации королевы Британии Елизаветы и даже удостоился чести вальсировать с Ее Королевским Величеством на балу в честь этого знаменательного события.

Различные излагались версии.

«Вражеские» радиоголоса, например, вещали тогда на СССР, что Николас Шадрин не вернулся к своей жене в отель «Бристоль», потому что был убит агентами КГБ в парке, пулей в висок. Никто из авторов «сочинений» на тему о двойном агенте не сомневался: исчезновение Артамонова-Шадрина — дело рук зловещей кремлевской

госбезопасности. И мировое общественное мнение склоняли к подобной точке зрения. Могли ли сотрудники КГБ смириться с таким исходом игры? Нет, конечно! И на страницах «Литературной газеты» была срочно организована публикация Боровика-Калугина. Из этого материала следовало, что, наоборот, скорее всего ЦРУ «ликвидировало» Артамонова, разоблачив его тайный замысел совершивший на этот раз побег в противоположную сторону — из «свободного мира» в страну «развитого социализма». Мне не известно, какое впечатление произвело это контрвыступление на Западе. В нашей стране мои добровольные эксперты расценили его в марте 1991 года как любительский детектив, недостоверное «чтиво» о коварной жестокости ЦРУ.

Однако вопрос, куда же исчез Артамонов, так и остался без ответа и в зарубежных и в отечественных средствах массовой информации.

ПОКУШЕНИЕ В СОБОРЕ

Если и было покушение на жизнь Николая Артамонова, то это вполне можно объяснить — «он слишком много знал». Но как объяснить покушение на его бывшую жену Наталью Малютину, я себе никак представить не могу.

Когда Наталья Афанасьевна впервые рассказала об этом, то я, признаться, ей не поверил. Только ознакомившись потом с документами, со справкой из Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, переговорив с ее друзьями, я поверил в невероятное и, повинившись перед Малютиной, попросил снова вспомнить подробнее, как это все случилось...

После Центрального музея ВМФ Малютина работала в Ленинграде ответственным секретарем Московского районного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории культуры. Занималась поисками погибшего в годы войны Героя Советского Союза Алексея Севастьянова (были найдены истребитель «МИГ-3» и в его кабине останки летчика), восстановлением Чесменского мемориала воинской славы, собирала средства на памятник Победы в Великой Отечественной войне.

— Это давало мне силы выжить, — говорит Наталья Афанасьевна, — мне, которую нередко и в глаза и за глаза называли женой предателя.

Вела Малютина поиски и в Болгарии. Там она нашла захоронение советских воинов. Посвятила их памяти сборник стихов. «Спите спокойно, ребята, в теплой болгарской земле. Тихо поют вам березки...» — это строчка из одного ее стихотворения. И писала еще Наталья Афанасьевна стихи, посвященные своему любимому мужу. «И если снова испытанья нам будут посланы судьбой, мы их поделим как и прежде... А ты живешь покрытый тайной, я в легкой дымке от огня...»

В Московском отделении ВООПИК ее «достала» тогдашний секретарь райкома по идеологии Г. И. Баринова, потом заведующая отделом обкома компартии (сейчас она директор филиала музея В. И. Ленина), которая сочла даже скромную должность неподходящей для бывшей жены изменника.

К тому же тяжело заболел сын. И Малютина пошла работать экскурсоводом в Исаакиевском соборе и стала чуть ли не ежедневно общаться с иностранными туристами. Опекавшие семейство Малютиных сотрудники КГБ против новой деятельности Натальи Афанасьевны ничуть не возражали. Мало того, она активно сотрудничала в Ленинградском Совете ветеранов, побывала, помимо Болгарии, в Венгрии, Чехословакии. В ГДР случай свел ее с бывшим корабельным врачом эсминца, которым командовал Артамонов. Тот служил теперь в одной из сухопутных частей Западной группы советских войск. Он рассказал во время встречи, что перед побегом в Швецию капитан II ранга Артамонов уплатил членские партийные взносы за несколько лет вперед, оформил и подписал заранее все финансовые документы на выплату денежного содержания личному составу корабля. В записной книжке командира нашли записи о датах рождения и прочих юбилеях всех матросов с пометками о желательном подарке для именинника...

В Исаакиевском соборе шли одна экскурсия за другой. К концу дня язык уставал повторять без конца одно и то же — текст был утвержден заранее. «Отсебятина» не поощрялась. Однажды Малютина неожиданно ощущила что-то давно забытое, близкое в скромном человеке, напряженно рассматривающем ее сквозь темные очки.

— Я внутренне даже содрогнулась — неужели это он, Николай, — вспоминает Малютина. — Прервав экскурсию, я медленно пошла к туристу. Но он, помешав секунду-другую, тут же мгновенно скрылся. Догонять его не имело никакого смысла.

Наталья Афанасьевна сейчас почти уверена, что Артамонов был в Ленинграде, видел ее и подбросившего сына...

Иностранные туристы нередко заговаривали с гидами, иногда приглашали на банкеты, в театр, вручали визитные карточки. Обо всем этом полагалось сообщить спецсекретарнику, которого в соборе люди звали между собой «зеленая улица» — он разрешал или запрещал внерабочие встречи с интуристами. И когда один из испанских гостей Ленинграда стал приглашать Малютину на «деловое свидание», то она тут же доложила об этом ответственному товарищу. Тот по команде выше. И к назначенному часу импозантного испанца уже поджидали в соборе два оперативника с газетами в карманах пиджаков — опознавательным знаком для Малютиной. Пять раз прошли они с ней экскурсию по Исаакию, а гость запаздывал. Он появился, когда уставшие оперативники вышли, по-видимому, перекурить. Наталья попыталась было их предупредить, но сделать это незаметно не удалось.

На выходе из собора испанец, улучив момент, резко обернулся, и Малютина почувствовала, как ее обдало теплой, пахучей волной. Женщина потеряла сознание. Вокруг засуетились сотрудники. Директор во всеуслышанье заявил, что она, наконец, встретила Николая Артамонова и от радости упала в обморок. В действительности же все оказалось совсем иначе. Малютина была отравлена «неизвестным газом» — так и было потом зафиксировано в справке ВМА имени С. М. Кирова. Хорошо еще, что покушавшийся, занервничав, чуть промахнулся. Струя газа скользнула мимо центра лица, вверх ко лбу и уху. И сейчас можно увидеть на пилонах при входе из собора в сторону Адмиралтейства черное пятно на позолоте — настолько сильным было действие ядовитого газа. Потом приезжали эксперты, соскабливали частички поврежденной поверхности, очевидно, для анализов.

Спасибо медикам — спасли. И выпавшие волосы выросли снова, и кожа обновилась, и жуткие отеки спали. Спасибо и ленинградским чекистам: они отправили Малютину для окончательного выздоровления в санаторий в Пицунду.

Покушавшийся, безусловно, пытался убить Малютину. Кто он, по чьему заданию действовал, не установлено. Сама Наталья Афанасьевна придерживается версии, предложенной ей в органах:

— Вас хотели устраниТЬ, чтобы у Артамонова никого

больше не осталось на Родине и не было у него больше стремления вернуться домой.

А что думают мои консультанты-чекисты по этому поводу?

— Черт его знает, в чем тут дело, — сказал один из них. — Может, американцы решили, что Артамонов все же сбежал в Союз и так хотели отомстить «двойному агенту»? Нет, на профессионалов разведки это не похоже. Не будут же они действовать по методам мафиози. Да, загадка...

ОКОНЧАНИЕ ЕЩЕ ПОСЛЕДУЕТ

Тогда в холле гостиницы «Украина», я, наверное, раскрыл рот от удивления, когда Калугин в ответ на мой вопрос, знает ли он сейчас, а если знает, то может ли сказать, что же на самом деле случилось с Артамоновым-Шадриным, решительно и четко ответил:

— Артамонов умер от инфаркта.

— Где умер, когда?

— Там же, в Вене, в то время.

После того как я пришел в себя от изумления, спросил:

— А где похоронен?

— Там же, в Вене, — ответил Олег Данилович.

Потрясающий финал! А как же все эти статьи о таинственном исчезновении «двойного агента», дипломатическая записка, многочисленные официальные и неофициальные американо-советские контакты по поводу «пропавшего без вести»? Неужели все это оказалось, как говорится, дымом без огня? Разговор на эту тему у меня с Калугиным не получился. Зато один из моих консультантов рискнул высказать предположение, что инфаркт мог настигнуть Артамонова уже по дороге в Союз. И сопровождающим его лицам, если они были, пришлось поэтому вернуться в Вену, чтобы предать тело умершего земле или кремации. Фамилия же у Артамонова к тому времени могла быть совсем другой. Поди-ка узнай сейчас, какой...

— А можно я дам ваш домашний телефон бывшей жене Артамонова? — спросил я Калугина. — Она очень хочет с вами встретиться.

— Пожалуй, можно! Только я ничего не расскажу ей более того, что я знаю и рассказал вам.

Олег Данилович вспомнил, как ленинградские чекисты помогали сыну Артамонова, заболевшему после облучения во время службы на подводной лодке. Врачи вернули здоровье молодому офицеру, выпускнику Высшего военно-морского училища. Сейчас Николай Николаевич работает на гражданке, у него растут дочь и сын — внуки Николая Федоровича Артамонова. Они нередко спрашивают — а где их дедушка Коля с фотографии? В Ленинградском управлении КГБ Н. А. Малютину ознакомили с официальным документом о смерти ее бывшего мужа Артамонова, ей была назначена скромная, особенно по нынешним временам, пенсия.

Сейчас Малютина на пенсии. Но Наталья Афанасьевна трудится. Пишет книгу о поисках Янтарной комнаты — у нее есть даже свой уникальный архив, собранный за 40 лет. С 1950 года она и сама принимала участие в поисковых экспедициях. Сейчас участвует в создании фильма на эту увлекательную тему.

Она не раз пыталась узнать, наконец, правду о Николае. Дважды безответно писала Г. Боровику — автору публикации об Артамонове в «Литературке». Накануне появления статьи, тогда, в августе 1977 года, навестивший ее в Ленинграде столичный генерал КГБ сказал во время встречи в гостинице «Астория», что этот материал «не для нее», а для постороннего чтения... А она потом горько и безутешно плакала, читая и перечитывая этот «детектив». И это написано о ее любимом Николае!

— До слез было обидно, почему со мной не посоветовались, — вспоминает Наталья Афанасьевна. — Я никак не поверила этой статье в «Литературке». Эта публикация действительно «не для меня». И удивляюсь до сих пор, почему же с 1977 года мне не могут в КГБ ответить, где мой муж, что же с ним произошло на самом деле?..

Обращалась Малютина и в Президиум Верховного Совета СССР: помилован ли, прощен ли Артамонов? Ее вызвали в обком КПСС и разъяснили в ответ на эти письма, что дело ее мужа «за семью печатями».

Не пора ли, наконец, взломать эти печати и восстановить справедливость в отношении Артамонова, рассказать правду о его жизни и деятельности в качестве советского разведчика? В США, насколько известно, готовится книга о «крупнейшем разведчике современности», намечено снять кинофильм. Я думаю, что Артамонов в еще большей степени достоин быть героем и отечественных художе-

ственных произведений. Моя документальная повесть — лишь первая попытка рассказа на эту интригующую, загадочную тему «Кто он, Николас Джордж Шадрин?». И окончание, надеюсь, еще последует после того, как на публикацию повести откликнутся бывшие друзья, сослуживцы Артамонова и, может быть, те официальные лица, которые с ним поддерживали связь в США. Может быть, раскроет свой псевдоним И. А. Орлов — ему есть что еще рассказать об Артамонове-Шадрине.

— Моя мечта и наш с сыном и внуками святой человеческий долг — узнать, наконец, всю правду о любимом нами Николае Федоровиче, — говорит Наталья Афанасьевна Малютина. — Если он умер, мы должны побывать на могиле и поклониться его светлой памяти. Я обязательно попрошу помочь нам в этом председателя КГБ. Как вы думаете, поможет?..

Тогда я, не раздумывая, сказал: «Да! Комитет госбезопасности должен вам помочь!»

Надеюсь, что и публикация этой документальной повести приоткроет, наконец, завесу секретности над историей «двойного агента», поможет восстановить честное и доброе имя Николая Федоровича Артамонова, а его семье даст возможность побывать на месте захоронения мужа, отца, деда и преклонить колени у его могилы. В Австрии, надо думать, люди без вести все-таки не должны пропадать. Даже если они и жили под чужой фамилией.

Май, 1991 год

* * *

От автора. Всего год минул со дня завершения подготовки этой рукописи к печати. Всего 12 месяцев. Да, но какой это был год! После августовского путча с географической карты исчез СССР и появилось СНГ. На посту председателя КГБ В. Крючкова, заключенного, как идеального вдохновителя заговора против демократии в тюремную камеру «Матросской тишины», сменил улыбчивый и обаятельный В. Бакатин. Затем делами разведки стал заведовать бывший журналист, а потом учений-академик, бывший кандидат в члены Политбюро ЦК компартии Е. Примаков.

После распада Союза его органы были вообще упразднены. Появились российские, демократические. Было

7-9

даже объявлено о доступе к архивам КГБ. Но куда там! Меня и близко не подпустили к архивным материалам о Н. Ф. Артамонове — Николае Джордже Шадрине. Объяснение все тоже: «Нельзя! Запрещено в интересах государственной безопасности». Возможно, нельзя еще раскрывать фамилии и имена действующих лиц «Дела Артамонова», коль скоро они пока что служат в разведке. Но неужели до сих пор остаются секретом обстоятельства исчезновения, убийства или скоропостижной смерти «двойного агента»? Или же именно в ответе на этот вопрос и заключается тайна, содержится ключ к разгадке шпионской истории?

Сменялись руководители госбезопасности и разведки. И ни у кого из них не наплось времени, чтобы ответить на письма Н. А. Малютиной: «Что же произошло с моим бывшим мужем Н. Ф. Артамоновым, отцом моего сына, дедом моих внуков?» Сами понимаете, не до того было. Августовский путч, заговоры, политическая борьба. Что значит драма одного, даже «двойного агента», когда рушатся карьеры, ломается судьба миллионов людей!

Я посоветовал Н. А. Малютиной написать Президенту США. Может, в Америке лучше знают, что же произошло с Н. Ф. Артамоновым, и не будут в ЦРУ делать из истории «двойного агента» государственной тайны. Как-никак, а четверть века уже прошла.

Так что, считаю эту повесть неоконченной. Поиск продолжается. Теперь уже и по другую сторону океана.